

ВОЙНА · НЕНАВИСТЬ · ПРОЩЕНИЕ

Интервью специально для Альманаха Богомыслие с известным общественным деятелем, евангельским богословом из Хорватии д-ром **Мирославом Вольфом**. Мирослав является автором более 10 популярных книг, переведенных на разные языки. На русский язык переведены его книги «Презрение и принятие», «По подобию Нашему».

Интервью провел **Фёдор Райчинец**, 2 мая 2022. Транскрибирование и перевод с англ.: **Татьяна Герасимчук, Вячеслав Герасимчук**.

Федор Райчинец: Вы уже высказали некоторые соображения о войне России с Украиной, а также говорили о богословских и культурных предпосылках этой агрессии. В Оксфордской декларации и в других документах осуждается сам факт агрессии и провозглашается отказ решать противоречия с помощью оружия. Документ также показывает пагубность концепции «русского мира». В связи с этим первый вопрос: Почему вообще появилась идея «русского мира», что дало ей жизнь, в чем ее источник и богословская порочность?

Мирослав Вольф

Мирослав Вольф: Это очень важный вопрос. Я не могу назвать себя экспертом по части истории зарождения идеи «русского мира», но могу сказать точно, что «русский мир» предполагает определенное единство в политической, культурной и религиозной сфере деятельности общества. И в этом случае, как и во многих других подобных, именно тесное единство религии и политики на службе у определенных культурных и этнических устремлений создает серьезные затруднения, поскольку вовлекает в процесс религию, которая должна обслуживать те или иные политические идеалы. При этом некоторые религиозные традиции и религиозные лидеры с готовностью вовлекаются в процесс и очень даже хотят принять в нем участие. Но когда мы говорим о христианской вере, то понимаем, что существует нечто глубоко тревожное и глубоко несовместимое между исповеданием

христианской религии, в центре которой – распятый Христос, и предоставлением себя в качестве инструмента борьбы за доминирование, которое достигается главным образом безжалостностью и жестокостью. Поэтому на нас лежит ответственность – и именно поэтому я согласился принять участие в составлении и подписании декларации и непременно озвучить главное: христианская точка зрения не предлагает какую-либо легитимность войны России в Украине. Она нелегитимна и противоречит духу веры, а не является неким легитимным следствием или производным веры, как то проповедует идеология «русского мира».

Ф.Р.: *Вы упоминали о христианах как «ненадежных союзниках». Если не ошибаюсь, идея принадлежит Барту... Вы говорили о необходимости для верующих оставаться «ненадежными союзниками» с правительствами или партиями, оставаясь при этом верными союзниками человечеству в лице друзей, соседей, чужих людей и врагов. Как это возможно для украинских христиан в сложившемся контексте?*

М.В.: Для христиан это с любых перспектив непростой вопрос. С одной стороны, христиане должны быть в рядах тех, кто борется против угнетения и агрессии, и поддерживать эту борьбу, с другой стороны, они одновременно должны соблюдать в этой борьбе здоровую дистанцию, которая уважает глубокое посвящение религиозным традициям христианской веры, которая не будет находиться в распоряжении любого военно-политического или какого-либо иного «дела». Я могу объяснить это по-другому: крайний пример религиозной лояльности – это «русский мир», т.е. его полное отождествление с определенным проектом, который оказался и аморальным, и безнравственным. С другой стороны, даже в этически справедливой борьбе, цель которой мы поддерживаем, всегда есть способы, которыми в контексте конфликта – будь-то между отдельными людьми, либо между странами – мы можем воспользоваться, пойдя на компромисс.

Мы можем поддаться искушению занять позицию, которая будет идти вразрез самой борьбе за человечность, которую мы ведем. И я думаю, в этом смысле должна присутствовать критическая дистанция церкви – при том, что она поддерживает благое «дело». Я могу это перефразировать так: для блага самого «дела» критическая дистанция в каждом конкретном случае необходима. При этом никакой посторонний наблюдатель не сможет определить, какой должна быть эта критическая дистанция. Вы, ваши друзья и ваши сограждане должны сами определить эту дистанцию, поскольку вы находитесь в центре

ситуации, и вы ее хорошо понимаете. Мы находимся вне ее, и мы можем только поддержать вас [в вашем решении].

Ф.Р.: *Сейчас часто можно услышать лозунг «Не забудем, не простим!» Действительно, как простить Бучу и до сих пор продолжающуюся бойню в Мариуполе? Что означает простить врага с христианской точки зрения, если он не просит прощения, а продолжает совершать чудовищные злодеяния против человечности? Можно ли прощать без просьбы о прощении? И как тогда молиться молитвой «Отче наш», где есть слова «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим»?*

М.В.: Моя личная позиция, касающаяся прощения, следующая: прощение происходит между двумя сторонами конфликта. Но, в то же время в прощении присутствует и односторонний элемент, т.е. я должен простить даже в том случае, если просьбы о прощении не было. Но при этом прощение полностью достигает цели тогда, когда оно принимается другой стороной конфликта. Каким образом оно принимается? Этот человек должен, во-первых, покаяться, во-вторых, восстановить ущерб. Если обидчик отказывается это делать, если он не желает принимать предлагаемый ему дар прощения, то и процесс прощения остается незавершенным, и прощенный человек не обретает полного прощения. Если мы перенесем этот принцип в нашу реальность, это будет означать, что прощение будет возможно только тогда, когда в сознании преступника придет понимание и признание того, что им было совершено преступление, а также желание отречься от содеянного. Это не означает, что у меня [как пострадавшей стороны] нет духа прощения. Вовсе не так. И тогда возникает вопрос: как мне найти силы для того, чтобы желать простить и предложить прощение преступнику, который прямо сейчас продолжает совершать преступления? Однако на данный момент я лично считаю, что на повестке дня стоит вопрос, как защитить невинных, не говорить о прощении, а защищать невинных. Что мы можем сделать, так это в процессе борьбы с врагом проявлять к нему любовь. Я думаю, что это глубоко христианская позиция. И мне кажется, что если говорить о концепции справедливой войны с христианской позиции, то это должна быть концепция войны, в центре которой в том числе будет присутствовать элемент любви к врагу. И это возможно в теории, хотя и очень тяжело в конкретных ситуациях.

Ф.Р.: *Возвращаясь к часто повторяемой фразе: «Не забудем, не простим», как бы Вы прокомментировали ее?*

М.В.: Иногда люди говорят: «мы простим, но не забудем», иногда – «никогда не простим и никогда не забудем». Я понимаю эмоциональную позицию человека, против которого было совершено преступление. Речь сейчас идет о настолько вопиющем зле, которое нельзя даже представить, что его можно простить или забыть, когда это зло оставило настолько глубокое клеймо на личности и идентичности человека, что оно будет определять мое отношение к содеявшему это зло. Я надеюсь, что со временем эта позиция изменится на желание простить, и когда наступит полное исцеление, может быть, в грядущем мире будет возможно забыть или не вспоминать [содеянное зло].

Ф.Р.: *Как не потерять веру, видя военные злодеяния? Что реально означает богословское утверждение «страдающий Бог находится с нами в украинских руинах»? Что можно сказать матери, на глазах которой убили ее грудного ребенка?*

М.В.: Очень хорошая фраза «Бог среди руин». Поскольку большой вопрос в сознании каждого страдающего человека, и особенно несправедливо страдающего от несоразмерно сильного притеснителя, так и звучит: «Где Бог в моей ситуации?» Этот вопрос задавал известный автор Эли Визель, когда видел, как ночью вешали молодых людей, которые под весом собственного тела не могли сразу умереть из-за того, что были слишком истощенными. Сам Иисус на кресте произнес этот вопрос. Этот вопрос когда-то задавал Иов. Это извечный вопрос: где Бог? И я думаю, что это вопрос веры, это вопрос не столько видения, как веры и надежды на то, что Бог присутствует сейчас с нами даже в этот момент страданий. Как Бог присутствует? Я думаю, что Он присутствует в том понимании, что благодать больше, чем все зло, что свет не может иссякнуть во тьме, даже если этот свет сейчас находится в долине теней и смерти. Мне кажется, что это понимание генерируется верой. Возможно, вы знаете, что мой отец обрел веру во время марша смерти. Он обрел веру после многих дней и даже месяцев проклятий в адрес Бога за невероятную несправедливость... Это длинная история. И тем не менее, в конце концов он обрел веру, потому что каким-то образом увидел любовь Божью, присутствующую с ним даже среди страданий. И я думаю, что это и есть присутствие Бога среди руин, присутствие Бога, который идет рядом с нами и выводит нас.

Ф.Р.: *Да, я помню, вы рассказывали эту историю. Не помню только, это было в “The End of Memory” или в “The Story of my Army Years”.*

М.В.: Это было в “The Story of my Army Years”. Я как раз сейчас работаю над книгой, в основу которой будет положен пережитый

опыт моего отца. Мне кажется, что вопрос, который задают украинцы и те, кто переживает подобный опыт, по своей сути касается гораздо более широкого спектра вопросов. В вашем случае он просто в высшей степени заострен и актуален. Но по своей сути вопрос звучит так: Как человеку жить и переносить страдания, которых он не в силах избежать? Где брать силы? Где Бог? Что в таких случаях будет утешением? Как человек может утешаться и в то же время восставать [против несправедливости]? Как вместить Бога, думая при этом, что Бог где-то далеко?

Ф.Р.: *Сейчас сложилась сложная ситуация с молчащим большинством христиан. Мы говорим в первую очередь о христианах в России. Известно, что многие из них не поддерживают политику Путина, но открыто не высказывают свое мнение по вполне понятным причинам. Имеем ли мы право осуждать их? Можно говорить о том, что своим молчанием они, по крайней мере, косвенно поддерживают путинский режим, но можем ли мы обвинять их? Должен ли звучать пророческий голос Церкви из уст всех или только тех, кого Бог облек силой это делать? Говоря короче, как относиться к этим молчащим христианам?*

М.В.: Относиться к такому явлению можно не иначе, как с печалью. По меньшей мере, с печалью. Произошло то, что не должно было произойти. Это печаль по поводу того, в каком они положении оказались, поскольку они не могут собраться с мужеством и возвысить свой голос из-за того, что живут под подавляющим их страхом. Это также печаль из-за того, что пророческий голос не слышен, и [поэтому] ситуация никак не может измениться. До какой степени мы можем их обвинять? Мне не нравится идея обвинения. Я бы, скорее, говорил о том, как все должно быть. Пророки в таких случаях возвышали свой голос, Иисус говорил в таких случаях, вся наша традиция говорит, что если вы полностью посвящены тому, чтобы делать то, что правильно, то это будет для вас важнее, чем какой-либо комфорт или даже сама жизнь. Так было в случае с Авраамом, Иовом, Иисусом, учениками, и это то, что постоянно случается на протяжении всей истории. Это то, как я бы оценил данную ситуацию. Но в то же время я бы не стал обвинять кого-либо, поскольку, если бы я был на их месте, я не гарантирую, что не вел бы себя таким же образом.

Ф.Р.: *Между христианами Украины и России сегодня растет стена. Некоторые христиане не хотят иметь ничего общего с другой стороной. Причем это наблюдается как в Украине, так и в России. Как быть в такой ситуации? Есть ли возмож-*

ность разрушить эту стену, обойти ее, пробить в ней брешь?

М.В.: В случаях особенно натянутых отношений межденоминационный диалог, межцерковный диалог, экуменический диалог приобретают очень сложный характер. Я наблюдал это в отношениях между христианством и исламом. Люди, полагавшие, что они находятся под угрозой, исходящей от ислама, и выработавшие почти фундаменталистское отношение по отношению к нему, считают, что если хоть на йоту в чем-то уступят свои позиции, то все пойдет кувырком, и они не смогут противостоять тому злу, с которым сталкиваются. Я могу только представить, какая ситуация складывается в Украине. На кону жизни людей! Особенно жизни украинцев. Речь идет о жизни и благосостоянии большого числа людей. Люди, которые в такой ситуации протягивают руку дружбы, не оправдывая при этом деяния противоположной стороны, – настоящие герои и святые. И я думаю, что было бы хорошо, если бы мы все в таких случаях искали креативные способы взаимодействия, которые даже в маленьком масштабе символизировали бы, что можно начать друг с другом диалог, что есть некоторые общие вещи, на которые у нас есть разные взгляды, которые можно обсуждать и достигать на этот счет каких-то договоренностей, достигать если не примирения, то, по крайней мере, не углубления конфликта.

Ф.Р.: *Вы затронули суть следующего моего вопроса. Вопросы о примирении. Возможны ли пути к примирению христиан Украины и России после активной фазы войны, и какими они могут быть в нашей конкретной ситуации? Как может идти процесс прощения после войны? Что бы Вы предложили?*

М.В.: Каждая ситуация особенная. Но, как мне кажется, процесс примирения в данном случае должен идти в следующем порядке: «рука – сердце – разум». Именно так, а не «разум – сердце – рука». Мне кажется, что часто некоторые случаи взаимосвязи, в конце концов, принимают формат культурных мероприятий, иногда – спортивных соревнований и т.д., что может привести к следующим более доверительным шагам, потом возникает уже некоторое расположение к последующим шагам, и в дальнейшем уже можно говорить, что начался реальный процесс движения к сближению. Однако во всем этом процессе примирения для меня очень важно следующее: желание искать истину. Да, конечно, люди говорят: «истина – это первая жертва войны» – ввиду работающей пропаганды. Но именно по этой причине мы должны сохранить пусть если не истину в абстрактном философском смысле этого слова, то, по крайней

мере, общую договоренность по поводу того, что произошло. Определенные шаги по направлению к этой цели будут играть важную роль для будущего примирения. Для примирения необходимо хоть какое-то прощение, хоть какое-то осознание того, что было совершено зло. Однако это осознание не придет без обоюдного согласия на предмет того, что было добро и что было зло. Затем должен последовать следующий шаг: назвать зло злом. В этом смысле истина очень важна.

Ф.Р.: *Я часто слышал, что начальной точкой для примирения должен служить какой-то общий нарратив, когда обе стороны смогут сказать: произошло то-то и то-то. Это то, что Вы имеете в виду, когда говорите, что истина жизненно важна [для примирения]?*

М.В.: Да, я думаю, что можно изложить такую нарративную линию. И если не подходить к вопросу, имея чрезмерно высокие ожидания, связанные со словом «истина», – например, поиск истины, или поиск истины в комиссиях по установлению истины и примирения и т.д., то обязательно нужен какой-то общепринятый нарратив имевших место событий, что должно послужить основной предпосылкой для продвижения вперед навстречу примирению. Однако я думаю, что примирение в каких-то действиях или совместных проектах часто предшествует появлению этого общепринятого нарратива, как Вы выразились.

Ф.Р.: *Сегодня главная проблема – остановить войну, но как не допустить войну в своем сердце? Как остановить саморазрушение? Как справиться с совершенно законным и естественным чувством ненависти, которое возникает при виде злодеяний и реального геноцида украинского народа?*

М.В.: Я понимаю, о чем Вы говорите. Это невероятно сложная ситуация. Я уже упоминал о марше смерти моего отца. Это был ад. Он каждый день проходил по 30 миль или 50 километров при питании, эквивалентном 200 калорий в день. Воды было мало, поэтому они слизывали росу с поверхности травы по утрам. Думаю, что в некоторых частях Украины ситуация была похожей. Это очень тяжело переносить. Объективно отец переживал сущий ад. Но потом начала подниматься злость по поводу того, что произошло с ним, совершенно невиновным человеком. И то, как он проводил внутри эту злость через себя, создало своеобразное отражение того зла, которое уже было в его душе. По сути, он жил в двойном аду: в аду физическом, внешнем, и в аду, который возник изнутри. Это было настоящее рабство. Поэтому, я думаю, что тогда, когда он пришел к осознанию того, что Бог есть любовь, вдруг ситуация для него поменя-

лась. Нет, его обстоятельства остались теми же, но он сам даже внешне поменялся, его жизнь переменялась, потому что вдруг он увидел свет, этот луч благодати Божьей, который пробился сквозь тьму и пролился на его душу. У него появилась надежда. Потому что до этого он был закрыт внутри своего ада. Как такая трансформация часто происходит? Я склоняюсь к мысли, что здесь действует чудесная благодать. Почему в случае с моим отцом это произошло только спустя два месяца гнева? И почему именно в тот момент? Так получилось, что он познакомился с одним человеком – возможно, вы слышали о нем – Вено Лустиг – он был служителем. Он был тогда молодым и находился в той же группе, что и мой отец. Отец увидел в нем некоторые черты, которые, если помните, описал Достоевский в образе князя Мышкина. И вследствие всего этого каким-то образом мой отец посмотрел на ситуацию в новом свете.

Ф.Р.: *Это напоминает мне логотерапию Виктора Франкла. Человек находит смысл среди ада, и это позволяет ему сохранить рассудок, несмотря на окружающее его сумасшествие.*

М.В.: Да.

Ф.Р.: *Какая наибольшая духовная опасность грозит сейчас евангельским христианам в Украине? Какая наибольшая опасность для христиан России? Если мы сравним эти две группы людей, какие бы Вы обозначили грозящие им опасности?*

М.В.: Я так понимаю, это должен быть взгляд со стороны?

Ф.Р.: *Да, исходя из Вашего опыта и исходя из всего Вашего мыслительного наследия, которое Вы стяжали в области богословия прощения и примирения.*

М.В.: Я бы сказал так: потеря веры, но в разных вариациях этого явления. Если говорить о церкви со стороны агрессора, то это потеря веры из-за полной деформации ее сути. Форма остается, но эта форма стоит на службе глубокой оппозиции самой вере. Можно говорить о запятнании самой сути веры. И это противоречие, которое особенно очевидно для тех, кто смотрит на ситуацию со стороны – их дети когда-то будут их судьями, – часто приводит к полному отречению от веры – потому что вера была явным образом предана, сведена до того уровня, когда вера уже перестает быть верой, а степень лицемерия выходит за все рамки.

Если говорить о верующих страдающей стороны, то, как мне кажется, может возникнуть тенденция использовать веру как оружие борьбы. И это тоже будет в определенном смысле деформация и ущемление веры. Самое тяжелое будет – при-

слушиваться к голосу истинной веры и здравому разуму, когда ситуация будет казаться таковой, чтобы поступить иначе. Это могут быть маленькие или большие компромиссы и лицемерные поступки. Будут и другие искушения, которые вполне понятны в данной ситуации, но, тем не менее, они будут требовать от верующих глубины посвящения, определенной мудрости, чтобы понимать, как нужно делать те или иные вещи, потому что не всегда праведные способы правильны, бывают глубоко ошибочные способы соблюдения праведности и сохранения рук незапятнанными. Что означает быть по-настоящему вовлеченным в жизнь такую, какая она есть, и в то же время сохранить глубину посвящения? Такие люди, как Дитрих Бонхёффер, – хороший тому пример. У него было осознанное понимание того, что он делает, и он с верой проживал каждую ситуацию. Это под силу только тем, кто своей жизнью демонстрирует, что значит страдать за чистоту веры в контексте борьбы за выживание.

Ф.Р.: *Спасибо. И последний вопрос. Должны ли мы разделять деятельное участие христиан в помощи страдающим и политические заявления об этом. Многие указывают на пример Христа и раннего христианства. Как известно, Иисус жил в период римской оккупации, и Его не раз провоцировали сделать политическое заявление, но даже когда Ему рассказали о вопиющем злодеянии Пилата, который смешал кровь галлеян с их жертвами, Он не подписал никакой декларации, а сказал: «если не покаетесь, все так же погибните». Как не превратить войну в информационный повод?*

М.В.: Мне нравится вопрос. Я считаю его очень важным. Декларации могут быть проявлением самоправедности, желанием сделать какое-то официальное заявление, чтобы не делать работу потяжелее, желанием показать себя сопричастным к страданиям угнетенных, показать себя более святым и выше той или иной конфликтной ситуации. [При этом могут раздаваться] призывы к покаянию. Мне нравится призыв к покаянию, но такой, какой это делал Иисус. Его призыв к покаянию не напоминал еще одно самоправедное действие, это была и не декларация, и не осуждающее махание пальцем. Все это отчасти относится к вопросу, который мы рассматриваем. И я думаю, что все, что связывает все эти вещи, о которых мы говорим, – это необходимость иметь особую мудрость, которая чувствительна к сути веры и сути данной ситуации, и искренность веры, какую-то прозрачность веры. Это может быть очень сложная задача, особенно в данном случае, когда, казалось бы, нужно сделать абсолютно четкое осуждающее заявление, поскольку

мы столкнулись с вполне ясным случаем злодеяния, которое необходимо осудить. Но мне кажется, что такие осудительные заявления могут иметь вес, если они сопровождаются определенной практической вовлеченностью и участием в сложившейся ситуации. Может быть, это и есть то, чему нас учит пример Иисуса.

Ф.Р.: *И в заключение, какое бы слово надежды вы оставили украинцам, которые каждый день, как и в моем случае, видят одни руины, и не только руины зданий, но и руины человеческих судеб? Сегодня я увидел у таких руин старенькую бабушку, которая ходила вокруг своего разрушенного дома. Я подумал: мне 50 с лишним, я еще смогу выкарабкаться, а как будет выкарабкиваться она? Если говорить о молодежи, то среди них столько разочарованных и разуверенных на фоне всего того, что происходит вокруг! Что Вы могли бы нам сказать, чем обнадежить?*

М.В.: Когда я бывал в ситуациях, пусть далеко не настолько страшных, в которых находится много людей в Украине, я повторял себе Псалом 22: «Господь – Пастырь мой. Если даже я пойду долиной смертной тени – Ты со мной». Иногда мы произносим эти слова, и они ничего для нас не значат, но эти слова могут дать силу и надежду. Эти слова говорит Тот, кто сильнее любых армий, которые со всех сторон давят на людей, сильнее всей мощи врага. Эти слова вплотную относятся к моей жизни – «если я пойду [долиной смертной тени]» – они носят очень личностный характер, это не какие-то общие фразы – это все обо мне. Мне важно было это услышать. И я надеюсь, что какое-то подобное слово Божье, сказанное лично человеку лично от Бога, станет лучом света во тьме. Может быть, хоть малая толика силы воскресения, которая внезапно откроется человеку, поможет ему увидеть за тучами небо, и он обретет надежду.

Ф.Р.: *Спасибо, Мирослав. Я могу признаться, что до войны не любил читать псалмы. До ситуации с Оксаной (жена Федора Райчинца ушла к Господу чуть более года назад. Прим. редактора) я не понимал эту литературу Библии, но когда началась война, я в некотором смысле открыл для себя эту книгу. Поэтому сейчас каждое воскресенье я выставляю в фейсбуке пост с псалмом, который в данный момент резонирует лично с моими внутренними переживаниями в контексте происходящих событий. В последний раз – это, в соответствии с православным календарем, была Фомина неделя – я привел 72 псалом. Я думаю, что этот Псалом Асафа является хорошим текстом на тему сомнений. Когда вы видите, как зло господствует, как праведные страдают, вы сразу проводи-*

те параллели с событиями сегодняшнего дня. Спасибо, что обратили наше внимание на книгу Псалмов.

М.В.: Я полностью согласен. У меня был такой же опыт. Иногда, во время общих чтений Писания, если в данный момент я не находился в конфликтной напряженной ситуации, я думал: почему псалмопевцы постоянно говорят о врагах? Почему за ними все время кто-то гонится? Эта тема напрямую меня не касалась, и я подумал: может, мне отстраниться от этой темы? (43:01). Между прочим, последний раз, когда я это чувствовал – я был тогда на ретрите в бенедиктинском монастыре, и мы каждый день молились текстами из псалмов – я должен был напоминать себе, что в ситуации, когда люди борются, и на кону стоит их жизнь, как и было в случаях с авторами этих библейских отрывков, эти псалмы невероятно сильны! Я помню одно из самых мощных переживаний во время моих проповедей – это было в синагоге в Осиеке. Я проповедовал на текст 136 псалма: «блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!» Там было много беженцев – из разных мест, более 50 процентов присутствующих составляли беженцы. Мне нужно было прочитать этот псалом и прокомментировать его, описать этот псалом как литургическую молитву и выражение ярости, которая бушевала внутри. Это была очень сильная проповедь – не потому что это я проповедовал, а потому что это было Слово Божье, сказанное именно в контексте той ситуации. В нашем разговоре вы высказали очень интересный опыт открытия для себя книги Псалмов.

Ф.Р.: *Разрешите мне задать еще один бонусный вопрос. Какую книгу Вы бы порекомендовали прочесть нам или людям, находящимся в такой же ситуации? Богословскую литературу или какую-либо другую книгу.*

М.В.: Сложный вопрос. Недавно я перечитал книгу Джеймса Коуна “The Spirituals and the Blues”. Это было очень интересно, потому что эти песни слагались в контексте ужасных притеснений рабов. Я также читал замечательную книгу Густаво Гутьерреса об Иове. Совсем небольшая книга, но это замечательный комментарий. И третья книга, которую я представлял студентам, – это книга Юргена Мольтманна «Распятый Бог». Думаю, каждую из этих прекрасных книг полезно прочесть. Если вы попросите меня выделить из них какую-то одну, то я бы выбрал комментарий на книгу Иова Гутьерреса, потому что он работает с библейским текстом и комментирует его.

Ф.Р.: *Спасибо. Было очень приятно пообщаться с Вами. Можно сказать, что мы пообщались благодаря войне. Спасибо, что нашли для нас время.*